

Жизнь Аль-Хайтама в Италии шла своим чередом. Время от времени он отправлялся в очередную область страны, а затем выуживал оттуда Кавеха, который всякий раз умудрялся едва не превратиться обратно в аранару.

Если не считать двусмысленных взглядов сотрудников исследовательского отдела и одного белобрысого наглеца, который то и дело возникал на горизонте лишь ради того, чтобы помозолить глаза, его будни мало чем отличались от прежних.

Хотя нет, кое-какое различие всё же имелось.

В первый раз их встречу с белобрысым ещё можно было списать на чистую случайность. Во второй раз оставалось лишь посетовать на скверное везение. Но когда в третий раз этот тип направился напрямик к нему, даже не пытаясь скрыть натянутую, похожую на маску улыбку во весь рот, Аль-Хайтам едва удержался от искушения мгновенно переместиться прочь во вспышке зеркал.

К счастью, незваный гость лишь с живым любопытством стоял неподалёку, пока Аль-Хайтам осматривал достопримечательности, так что его удавалось — с переменным успехом — попросту игнорировать.

Но существовало и другое обстоятельство, куда более упорядоченное.

[Хозяин, сегодня вам надлежит навестить Акико Ёсано.]

«Хорошо».

И в мгновение ока он оказался в совершенно незнакомом месте.

Перепуганная Акико Ёсано едва не швырнула в незваного гостя бензопилу, но, разглядев его лицо, медленно опустила оружие.

— А, это ты... — выдохнула она, облегчённо качая головой.

После прошлого визита Аль-Хайтама она долго размышляла над его словами и в конце концов пришла к выводу, что зла он ей не желает. К тому же она честно пыталась навести справки у доктора Огая Мори, однако быстро поняла, что таинственные пути мешают ей раскрыть рот — она физически не могла обмолвиться о пришельце ни единым словом.

«Человек с такими способностями при желании прикончил бы меня без малейшего труда».

— Присаживайся, — предложила она, указав на стул.

Ей выпал редкий день отдыха. Обе стороны понесли колоссальные потери в затяжной бойне, и на фронте наконец объявили временное затишье.

Раздался тихий шорох переворачиваемых страниц.

— Прочла половину? — поинтересовался Аль-Хайтам.

Он скользнул взглядом по лежащей на столе книге, из которой выглядывала самодельная закладка — завязанная бантиком шёлковая лента.

— Ну... да, — неловко пробормотала Акико.

В присутствии Аль-Хайтама её почему-то охватило смутное чувство стыда. То ли дело было в его безупречной академической осанке, то ли в спокойной пронизательности взгляда, но она почувствовала себя нерадивой ученицей, у которой строгий наставник проверяет домашнее задание.

«Но я ведь действительно по горло занята, у меня почти нет свободного времени!»

Впрочем, это было чистой правдой.

— Не волнуйся, — спокойно произнёс Аль-Хайтам.

За то недолгое время, что они были знакомы, он повторял ей эту фразу несчётное количество раз, но, судя по всему, без особого успеха. Поскольку он не мог позволить себе постепенно и ненавязчиво менять её отношение к происходящему, приходилось действовать напрямую, пусть этот метод и казался крайне неэффективным.

— Если книга не помогает тебе отвлечься и расслабиться, то в самом чтении нет никакого смысла.

Он лишь мельком взглянул на обложку и отложил её в сторону.

— Тогда... можно я почитаю прямо сейчас? — спросила Акико, возвращаясь на стул. Сидеть сложа руки и безучастно смотреть в пустоту всё равно не получалось — не с живым же собеседником напротив.

— Конечно.

Аль-Хайтам протянул ей книгу, а сам достал из своей на диво вместительной поясной сумки увесистый фолиант и углубился в собственные изыскания. Воспользовавшись тем, что

мужчина увлечён чтением, Акико осторожно вытащила ленту-закладку и погрузилась в текст.

«9.

Аралила рассказывал всё больше и больше историй, и в моей голове теснились самые невероятные образы.

— Я хочу пойти туда и посмотреть своими глазами, — попросил я. Мне до безумия хотелось узнать, где и как живут аранару.

— Очень далеко. Нара устанет, ножки не дойдут, — ответил он. Малыш явно беспокоился о моём здоровье и не хотел вести меня за собой.

— Значит, Нара больше не будет ждать?

— Не будет. Мы и так ждали здесь слишком долго.

Я отряхнул штаны от сухой травы и выпрямился, топыря грудь, точно драчливый петух, чтобы показать Аралиле всю свою решимость. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что был просто невыносимым, упрямым ребёнком, который замучил бедного аранару расспросами, пока тот наконец не сдался.

Но как нам добраться туда?

— Давай полетим!

— Нара не умеет летать.

— Тогда давай оседлаем какого-нибудь зверя!

— Аралила не сможет поймать его.

— Тогда давай просто поплывём по течению реки!

— Нара заболает.

...

Что ж, ладно. Придётся идти пешком.

10.

Я устал. И снова плюхнулся прямо на землю.

— Нара устал?

— Да, я ужасно устал.

Сдаться всегда проще всего. Даже тот пылкий восторг, что горел во мне ещё полчаса назад, мигом угас, стоило окатить его ледяной водой усталости.

— И всё-таки, где живут аранару?

Раз уж дойти не удалось, я решил построить для них дворец в своём воображении.

Там непременно должны расти огромные, до самого неба, грибы с круглыми окошками в шляпках. Крошечные аранару будут порхать вокруг, бережно сжимая в лапках диковинки, принесённые невесть откуда.

Нежный цветок, прозрачную каплю росы на изумрудном листе или спелую лесную ягоду.

— А аранару едят?

— Едят.

Аралила перечислил мне кучу вещей, на вкус совершенно пресных. Удивительные создания — они искренне любят чистый, ничем не приправленный вкус самой природы.

Что ж, тогда в моём грибном домике обязательно должен быть котелок для варки супа.

(На полях красовался неумелый детский рисунок, выведенный восковыми мелками: покосившийся гриб-теремок с трубой.)

А ещё им нужны друзья.

Аранару ведь тоже дружат между собой?

Значит, грибов должно быть много. Целый лес из грибных домиков, в каждом из которых поселится весёлый аранару».

Так, страница за страницей, Акико Ёсано следила за неспешной беседой маленького «меня» и лесного духа. Детские грёзы о скромном убежище постепенно разрастались, превращаясь в величественный, сверкающий замок.

«17.

Солнце всходит и заходит.

Я сказал Аралиле: "Знаешь, а я уже видел твой дом".

Там никогда не увядают цветы, журчат чистейшие родники, беззаботно резвятся аранару, а рядом с ними весело играю я сам».

На описании этого воображаемого чертога повествование резко обрывалось.

«И это всё?»

Акико торопливо пролистала страницы вперёд. Внезапный финал отозвался в её сердце щемящей тоской; ей до боли хотелось узнать, чем же закончилась история мальчика и его крошечного друга.

Вдруг из закрывающейся книги выпал сложенный листок, исписанный от руки.

«Каждому ребёнку, блуждающему под сенью деревьев: пока ты веришь в аранару, они всегда придут к тебе на помощь».

Подпись внизу почти стёрлась от времени, но почерк был на удивление аккуратным и ровным — судя по всему, эти строки вывела рука взрослого человека.

— И это весь рассказ? Больше ничего нет? — с нескрываемым разочарованием спросила Акико, глядя на Аль-Хайтама.

— Нет, — отозвался тот. Но, заметив, как померкло её лицо, негромко добавил: — Известно лишь, что автор этой книги в детстве действительно заблудился в лесу и пропал на долгое время, но позже его нашли живым и невредимым.

— Если ты веришь в них, значит, они существуют. В Сумеру каждый ребёнок когда-то верил в аранару.

— Что ж, ладно...

«По крайней мере, у этой истории счастливый конец».

Акико тихо вздохнула.

— Я бы... хотела почитать что-нибудь ещё.

Она набралась смелости и озвучила свою просьбу. Пусть даже ей удастся выкраивать лишь по несколько минут перед сном, эти чудесные сказки помогали ей ненадолго забыть о кошмарах, творящихся наяву.

«Это гораздо лучше унылых медицинских справочников».

— Договорились.

Взамен Аль-Хайтам получил то, к чему стремился — хрупкую нить доверия испуганной девочки.

— Выходит, она заперта на какой-то засекреченной войне?

Узнав, сколько лет Акико, Кавех едва сдерживался, чтобы вслух не проклясть её командиров за использование детского труда.

— Какое безрассудство! Зачем отправлять на передовую маленькую девочку? В её возрасте положено беззаботно играть, а не смотреть на смерть!

— Похоже, те, кто принимает решения, сочли эту жертву оправданной ради достижения великих целей, — сухо заметил Аль-Хайтам.

Он прекрасно понимал устройство местного общества эсперов: беспомощная верхушка, среднее звено, из последних сил латающее дыры, и низы, обречённые на роль пушечного мяса. Исход этой бойни для Акико и её товарищей виделся ему исключительно в мрачных тонах.

— Неужели мы совсем ничего не можем сделать? — вскинулся Кавех.

Он органически не переносил чужих страданий и всякий раз, сталкиваясь с неизбежной трагедией, порывался броситься на помощь, ведомый слепым сочувствием.

— Кавех, если она уйдёт, раненые солдаты обречены на гибель, — Аль-Хайтам озвучил беспощадную истину, после чего добавил: — Но даже если она останется, её сторона всё равно

не победит.

Кавех бессильно рухнул на кровать, раздавленный тяжестью этого тупика.

«Почему люди воюют? Зачем приносят в жертву невинных? Неужели нельзя просто жить в мире и согласии?»

Эти вопросы не имели к нему прямого отношения, но его чуткое, ранимое сердце послушно переложило весь груз чужой боли на собственные плечи.

— Отдыхай, — негромко произнёс Аль-Хайтам, направляясь к выходу.

Он притворил за собой дверь. Он прекрасно знал, что Кавех изведёт себя тревогами, и всё же умышленно рассказал ему об Акико.

Времена, когда он мог в одиночку распутать любой узел — как во время безумного заговора Азара с сотворением лжебожества, пока Кавех мирно чертил свои проекты в пустыне, — остались в прошлом. Это был не Сумеру с его понятными законами Академии. Они находились в изломанном, чуждом мире, где за кулисами плели интриги безжалостные фракции.

За окном застыл тонкий серп луны. Мутный, бледный свет лился сквозь витражное стекло, оседая на дорогом убранстве коридора.

Этой ночью кому-то суждено было бодрствовать до самого рассвета.

<http://bllate.org/book/18256/1755661>